

За кулисами студии

Ташев. проезд, 1983, 28 сент Костюм приглашается на съемку

Известная поговорка «Встречают по одежке...» для художника Т. Острогорской имеет особый смысл: ее стихия — костюм. Но не всякий, а тот, в котором должен предстать на экране очередной киногерой. Четыре столетия охватывает созданный мастером гардероб, не раз после съемок совершавший путешествия из хранилищ «Ленфильма» на выставки.

Из окон студии Татьяны Евгеньевны открывается панорама новостроек Васильевского острова, шагнувших к морю. И эта близость к балтийскому простору как нельзя лучше перекликается с ее новой работой — эскизами костюмов к музыкальному фильму «Вольный ветер», над которым работает режиссер Ян Фрид. Моряки, горожане даже на эскизах словно овеяны солоноватой свежестью бриза.

Татьяна Евгеньевна пригласила корреспондента ТАСС совершить экскурсию по трем этажам хранилища «Ленфильма», где собраны десятки тысяч костюмов, созданных талантом многих мастеров. Вот так одевался Гамлет, принц датский, такой щеголеватый фрак носил Евгений Онегин, а эта одежда из платяного шкафа героев «Дамы с собачкой».

— Во все времена мода была капризна и изменчива. Чтобы отыскать нужную деталь, приходится порой производить настоящие «археологические раскопки» на книжных полках, — рассказывает мастер. — Обращение к классике нередко служит для художников руководством по «костюмоведению». Сколько раз выручали нас Пушкин, Тургенев, Лев Толстой.

Во время съемок фильма «Зеленая карета» о русской

актрисе Варваре Асенковой у консультанта возникло сомнение: а действительно ли столичные щеголи первой трети прошлого века носили цветные носовые платки? На помощь пришел пушкинский граф Нулин: «Себя казать, как чудный зверь, в Петрополь едет он теперь с запахом фраков и жилетов, шляп, вееров, плащей, корсетов, булавок, запонок, лорнетов, цветных платков...» Тут для художника каждое слово — на вес золота.

— Но выяснить, что носили в ту или иную эпоху, — это только начало работы. Надо еще почувствовать дух времени, ведь нам важно не просто сделать костюм, но и создать образ, — говорит Татьяна Евгеньевна. — Я никогда не дохожу до буквализма, а стремлюсь создать скорее фантазию на тему старинного костюма, учитывая, как воспринимает его

современный человек. Взять хотя бы суровую испанскую моду на рубеже XVI—XVII веков — люди того времени буквально были «закованы» в одежды. Если бы в «Собаке на сене» я точно по образцу сделала для Маргариты Тереховой платье с обилием жестких металлических частей, актриса весьма неуютно чувствовала бы себя на съемках.

Особенно дорого Острогорской участие в работе над киноэпопеей «Блокада» — это дань памяти ее отца и других ленинградцев, погибших в осаде. И по масштабу художественных задач фильм Михаила Ершова остается для нее главным. Есть там эпизоды, где в съемках одновременно участвовало до девяти тысяч человек. На примере «Блокады» отчетливо видно, как художник, следуя общему замыслу, создает

своего рода цветовую драматургию фильма: пестрые, жизнерадостные кадры довоенного Ленинграда сменяются строгими, скупыми по цвету, трагическими эпизодами войны...

Она вся в движении, в заботах, эта хрупкая изящная женщина, живущая в ритме вечно торопящейся музыки кино. В своем творчестве Татьяна Евгеньевна соединяет качества модельера, историка, этнографа. А еще она — экономист: ведь мало придумать костюм, надо еще, чтобы он был как можно дешевле. А это требует изобретательности.

— К счастью, все наши хлопоты остаются по ту сторону экрана, — улыбается Татьяна Острогорская.

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ.
Корр. ТАСС.

Ленинград.